

A decorative rectangular border with intricate, symmetrical floral and scrollwork patterns in each corner, framing the text.

ЭДВАРД МОРГАН
ФОРСТЕР

ЭДВАРД МОРГАН
ФОРСТЕР

Морис
Куда боятся ступить ангелы

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Ф79

Серия «Зарубежная классика»

Edward Morgan Forster
MAURICE
WHERE ANGELS FEAR TO TREAD

Перевод с английского *М. Загота* («Морис»),
Н. Рахмановой («Куда боятся ступить ангелы»)

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

Печатается с разрешения The Provost and Scholars of King's
College, Cambridge/o The Society of Authors.

Форстер, Эдвард Морган.

Ф79 Морис. Куда боятся ступить ангелы : [сборник] /
Эдвард Морган Форстер ; [перевод с английского
М. Загота, Н. Рахмановой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2022. — 384 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-149010-2

Роман «Морис», блистательно экранизированный в 1987 году классиком кинематографа Джеймсом Айвори, — безоговорочно самое известное произведение Эдварда Форстера. Произведение, опубликованное, однако, лишь после смерти автора. Тому есть несколько причин.

Во-первых, крайне непростая для времени написания романа основная тема — жизнь мужчины, проходящего долгий и непростой путь от осознания своей ориентации к принятию ее — через страх осуждения общества и борьбу с собственным внутренним конформистом. Во-вторых, справедливые опасения писателя за самого себя. И, в-третьих, — очень сильные биографические мотивы «Мориса», во многом буквально списанного с истории жизни близкого друга Форстера, поэта Эдварда Карпентера, и его счастливых отношений с выходцем из рабочего класса Джорджем Мэррилом, пролившихся почти 40 лет — до самой смерти Карпентера.

В сборник также вошел еще один классический роман Форстера — «Куда боятся ступить ангелы».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Provost and Scholars of King's College, Cambridge,
1907, 1971, 1984

© Перевод. М. Загот, 2022

© Перевод. Н. Рахманова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Морис

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Раз в семестр вся школа — не только мальчики, но и трое учителей — отправлялась на прогулку. Как правило, все такими пикниками бывали довольны, ждали их с нетерпением, забывали о застарелых обидах и держались раскованно. Чтобы не страдала дисциплина, подобные вылазки совершались прямо перед каникулами — учительская мягкость уже не навредит. Вообще все было не по-школьному, а скорее по-домашнему, чаем их угощала директорская жена, миссис Абрахамс (вместе с другими дамами), особа гостеприимная, эдакая общая мамочка.

Мистер Абрахамс являл собой тип старомодного школьного директора. Успеваемость и досуг школяров его не беспокоили, хорошее питание и поведение — вот что важно. Остальное он предоставлял родителям, не сильно задумываясь над тем, сколько родители предоставляли ему. Выросшие в обстановке всеобщей мягкотелости, мальчики разлетались по привилегированным частным школам, крепкие физически, но не сильно преуспевшие в науках, и мир тут же обрушивал на птенцов первые удары. Отсутствии интереса к образованию — разговор отдельный, и в конечном счете ученики мистера Абрахамса добивались не наихудших результатов, сами становились родителями и иногда присылали к нему своих сыновей. Младший преподаватель, мистер Рид, держался тех же методов обучения, только был поглупее, а старший, мистер Даси, отличался въедливостью и не давал школе превратиться в застойное болото. Коллеги его слегка недолюбливали, но понима-

ли — школе он нужен. В его здоровом теле жил здоровый консервативный дух, тем не менее он хорошо знал жизнь и мог оценить любой вопрос с точки зрения ученика. Он не был особенно популярен среди родителей подростков, но хорошо дрессировал первогодков, а многие благодаря ему даже вытягивали на стипендию. Еще один его плюс — умелый организатор. Мистер Абрахамс делал вид, что крепко держит поводья и отдает предпочтение мистери Риду, однако позволял мистери Даси действовать на свое усмотрение и со временем сделал его своим партнером.

Мистер Даси всегда вынашивал какую-то мысль. В данном случае его занимал Холл, один из выпускников, переходивший в другую школу. Мистер Даси поставил себе задачу — во время пикника побеседовать с Холлом «по душам». Коллеги возражали — от такой беседы им только прибавится хлопот. Директор намекнул, что уже говорил с Холлом, лучше мальчику на последней прогулке просто порезвиться с одноклассниками. Возможно; но если мистер Даси что-то задумал, сбить его было уже нельзя. Он лишь многозначительно улыбнулся. Мистер Рид догадывался, о чем именно мистер Даси собирается говорить «по душам» с учеником, — в свое время учителя обменялись мнениями на некую щекотливую тему. Мистер Рид тогда высказался против подобных бесед с учениками. «Уж больно тонкий лед, — сказал тогда он. — Того и гляди провалишься». Директор же ничего об этом не знал и знать не желал. Он не понимал, что его подопечные, расставаясь с ним в четырнадцать лет, уже начали превращаться в мужчин. Для него это была раса низкорослых, но уже завершивших эволюцию особей — эдаких пигмеев Новой Гвинеи, «моих детей». При этом понять их было гораздо легче, чем пигмеев, — на его глазах они никогда не женились и крайне редко умирали. Перед ним плотным строем — от двадцати пяти до сорока человек враз — проходила череда бессмертных холостяков. «От книг по педагогике нет никакого прока. Мальчишки появились на этой земле безо всякой педагогики». Мистер Даси только улыбался — что ж, не всем дано постичь процесс развития.

* * *

Ах, мальчики, мальчики.

— Сэр, можно я возьму вас за руку?.. Сэр, вы же мне обещали.

Обе руки мистера Абрахамса, равно как и мистера Рида, были захвачены в плен...

— Вы слышали, сэр? Он думает, что у мистера Рида — три руки!

— А вот и неправда, а вот и враки. А тебя завидки берут!

— Когда вы кончите препираться!..

— Сэр!

— Я пройду с Холлом.

Послышались возгласы разочарования. Другие учителя, поняв, что мистер Даси все равно настоит на своем, кликнули остальных и повели их вдоль утеса к дюнам. Торжествующий Холл подскочил к мистеру Даси, но взять его за руку постеснялся — все-таки уже не ребенок. Круглолицый паренек с симпатичной мордашкой, Холл был совершенно заурядной личностью. Этим он напоминал своего отца, двадцать пять лет назад тот тоже вышел в мир из чрева этой школы, скрылся в колледже для привилегированных, женился, произвел на свет сына и двух дочерей, а недавно скончался от воспаления легких. Он был вполне добропорядочным гражданином, но звезд с неба не хватал. Прежде чем вызвать Холла-младшего на разговор, мистер Даси навел справки.

— Ну, Холл, ждешь от меня нравоучений?

— Не знаю, сэр... Мистер Абрахамс подарил мне «Те священные поля» и тут же прочитал нравоучение... А миссис Абрахамс подарила нарукавники. А ребята — набор марок Гватемалы, почти за два доллара. Вот, смотрите! Серия с попугаем.

— Просто замечательные! Что же тебе сказал мистер Абрахамс? Надеюсь, окрестил тебя греховодником.

Мальчик засмеялся. Он не понял мистера Даси, но уловил, что тот хотел пошутить. На душе у него было легко — все-таки последний день в школе, и даже сделай он что-то не так, это все равно не зачтется. К тому же мистер Абра-

хамс им очень доволен. «Мы вполне можем им гордиться, — написал он маме, и Холлу случайно попались на глаза первые строчки письма. — В Саннингтоне он нас не посрамит». А ребята забросали его подарками, объявили смельчаком. Вообще-то никакой он не смельчак — боится темноты. Но этого никто не знает.

— Так что же сказал мистер Абрахамс? — повторил мистер Даси, когда они вышли к дюнам.

Дело пахло душеспасительной беседой... хорошо бы сейчас оказаться с ребятами... но рядом со взрослыми о своих желаниях лучше позабыть.

— Мистер Абрахамс посоветовал мне брать пример с отца, сэр.

— А еще что?

— Я не должен делать ничего такого, за что мне будет стыдно перед мамой. Тогда я не собьюсь с пути — ведь новая школа будет совсем не такая, как наша.

— А в чем не такая, мистер Абрахамс не сказал?

— Там придется встретиться со всякими трудностями — как в настоящем мире.

— А что такое настоящий мир, он сказал?

— Нет.

— А ты не спросил?

— Нет, сэр.

— Это с твоей стороны не очень разумно, Холл. Во всем нужна полная ясность. Мы с мистером Абрахамсом как раз и должны отвечать на все твои вопросы. Как думаешь, что такое настоящий мир — мир взрослых?

— Не знаю. Я ведь еще ребенок, — честно признался паренек. — А что, там — сплошные обманы?

Этот вопрос потешил мистера Даси, и он спросил, с каким же обманом среди взрослых мальчик встречался. Тот ответил, что детей взрослые вроде не обижают, а вот друг друга дураят почему зря, разве нет? Выбравшись из кокона школьных условностей, он превратился в забавного и любознательного мальчишку. Мистер Даси прилег подле него на песок и внимательно слушал, попыхивая трубкой и глядя в небо. Небольшой морской курорт, где они жили,

остался где-то за спиной, школа скрылась в далеком далеке. День был серый и безветренный, солнце почти затерялось в облаках.

— Ты ведь живешь с мамой? — перебил вдруг учитель, видя, что мальчик разговорился.

— Да, сэр.

— Старшие братья есть?

— Нет, сэр, — только сестры, Ада и Китти.

— А дяди?

— Нет.

— То есть мужчин в твоём окружении мало?

— У мамы есть кучер, а еще садовник, Джордж, но вы-то имеете в виду джентльменов. Еще мама держит трех служанок, но они такие ленивые, что даже чулок Аде заштопать не могут. Ада — младшая из моих сестер, а вообще они старше меня.

— Сколько тебе лет?

— Через три месяца будет пятнадцать.

— Значит, ты еще молокосос. — Оба засмеялись. После паузы учитель продолжил: — Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, отец рассказал мне кое-что такое, что потом очень помогло в жизни.

Неправда — ничего такого отец ему не рассказывал. Но проповедь нужно было чем-то предварить.

— Вот как, сэр?

— Хочешь знать, о чем шла речь?

— Очень, сэр.

— Сейчас я поговорю с тобой так, Морис, будто я — твой отец. И звать тебя буду по имени.

И он доходчиво раскрыл перед мальчиком тайну секса. Говорил о том, как в начале бытия Бог создал мужчину и женщину, чтобы населить землю людьми; о времени, когда мужчина и женщина обретают способность продолжать свой род.

— Ты, Морис, сейчас превращаешься в мужчину. Поэтому я обо всем этом и рассказываю. Мама тебе не расскажет, да и ты не должен касаться этой темы в беседе с ней или с другой дамой, а если об этом с тобой заговорят

ребята в новой школе, прекрати разговор. Скажи, что ты уже все знаешь. Ты слышал об этом раньше?

— Нет, сэр.

— Ни слова?

— Нет, сэр.

Продолжая попыхивать трубкой, мистер Даси поднялся и тростью стал что-то рисовать на гладкой поверхности песка.

— Так тебе будет понятнее, — пояснил он мальчику, на лице которого отражалась скука: личного опыта в этом деле у него не было.

Морис старался слушать внимательно, ведь лекция предназначалась ему одному, к тому же он понимал: вопрос серьезный и имеет отношение к его собственному телу. Но соотносить все услышанное с собой он не мог; как ни старался мистер Даси, целого из составляющих не получалось. Старался и мальчик, но тоже впустую. Его мозг еще пребывал в состоянии дремы. Половое созревание уже наступило, а интеллект отставал, и мужское начало, как и полагается, входило в него крадучись, незаметно. Бесплезно пытаться совершить этот переход одним махом. Бесплезно пытаться его описать, даже если проявить максимум такта и строго придерживаться научного подхода. Мальчишеский мозг неподатлив, его тянет назад, в летаргию, и пробуждается он не раньше назначенного часа.

Мистер Даси соблюдал и ученость, и такт. Возможно, он вел беседу чересчур деликатно, пытался сыграть на возвышенных чувствах, не понимая, что Морис либо останется полностью безучастным, либо чувственность захлестнет его ураганом. «Конечно, это докучает, — говорил мистер Даси. — Но с этим надо справиться и, главное, развеять тайну. Тогда тебе и откроется величие любви и жизни». Речь его была уверенной, он не раз проводил подобную беседу и знал, каких вопросов можно ожидать. Но Морис ничего не спрашивал, только согласно кивал: «Понятно, понятно», и поначалу мистер Даси усомнился — так ли уж все понятно? Стал спрашивать ученика — хорошо ли усвоен материал? Ответы были вполне вразумительными.

Мальчик отличался хорошей памятью и даже — удивительное существо человек! — как-то подладился под эти вопросы, так поверхность воды легким мерцанием отражает сигнальный свет маяка. В конце концов он и сам задал пару вопросов насчет секса, вопросов вполне здравых. Мистер Даси был очень доволен.

— Молодец, — похвалил он. — Больше эта тема не будет тебе докучать.

Но оставались еще любовь и жизнь. Они не спеша брели вдоль бесцветного моря, и мистер Даси коснулся этих извечных ценностей. Сначала он охарактеризовал мужчину как некую абстракцию — эдакий целомудренный аскет. Потом восславил женщину. Сам он был обручен и, воспевая женские достоинства, как-то помягчел, глаза за толстыми стеклами очков зажглись, на щеках появился румянец. Любить благородную женщину, защищать ее и служить ей — вот венец жизни, сказал он четырнадцатилетнему мальчику.

— Сейчас тебе этого не понять, но придет день, и ты все поймешь — вспомни тогда старого учителя, который тебя просветил. Мужчина и женщина — и все сразу встает на свои места, все! Ты чувствуешь, что на небе есть Бог, что в мире есть гармония. Мужчина и женщина! Как это прекрасно!

— Я, наверное, никогда не женюсь, — возразил Морис.

— Ровно через десять лет я приглашу тебя и твою жену отобедать с моей женой и со мной. Примешь приглашение?

— О-о, сэр!

Глаза мальчика засветились от восторга.

— Значит, договорились!

Закончить разговор доброй шуткой — что может быть лучше? Морис был польщен и даже стал думать о женитьбе. Но внезапно мистер Даси остановился и приложил руку к щеке, словно у него заныли зубы. Обернувшись, он взглянул на оставшуюся позади длинную полосу песка.

— Я не стер эти адские рисунки, — медленно произнес он.

С дальнего конца бухты следом за ними вдоль берега шли какие-то люди. Вскоре они должны были подойти

к тому самому месту, где мистер Даси иллюстрировал свой урок секса. Среди них была женщина. Учитель, вспотев от страха, кинулся назад.

— Сэр, там уже ничего не осталось! — крикнул Морис. — Волны наверняка все смыли.

— Господи... слава Богу... да, сейчас ведь прилив.

И вдруг на долю секунды в мальчике вспыхнуло презрение к учителю. Да он обманщик, подумал Морис. Обманщик и трус, он мне так ничего и не сказал... И все снова ушло во тьму, тьму первобытную, хотя отнюдь не вечную, на смену которой обязательно приходит болезненный расцвет.

2

Мама Мориса жила неподалеку от Лондона, на комфортабельной вилле, стоящей в окружении редких сосен. Здесь родился он и его сестры, отец каждый день уезжал отсюда на работу, сюда и возвращался. Они едва не переехали, когда поблизости построили церковь, но со временем привыкли к ней, как привыкаешь ко всему, и даже обнаружили в таком соседстве некоторые выгоды. Церковь была единственным местом, куда миссис Холл доводилось ходить — магазины доставляли товары на дом. Станция тоже располагалась неподалеку, равно как и школа для девочек, вполне сносная. Жизнь была полностью обустроена, стремиться было не к чему, и между успехом и неудачей вполне мог стоять знак равенства.

Морис любил свой дом и безоговорочно почитал маму верховной жрицей. Без нее не было бы мягких кресел, хорошей еды, веселых игр, за все это он испытывал к ней благодарность и одаривал ее своей любовью. Любил он и сестер. Когда он приехал, они выбежали с радостными криками, стянули с него пальто и бросили на пол в прихожей — подберут слуги. Приятно было оказаться в центре внимания, хвастаться успехами в школе. Домашние с восторгом оглядели марки Гватемалы, «Те священные поля» и фотографию школы, которую ему подарил мистер Даси.

После чая небо расчистилось, и миссис Холл, надев галоши, вышла прогуляться с ним вокруг усадьбы. Они то и дело целовались и безобидно щебетали.

— Морри...

— Мамочка...

— Уж теперь Морри у меня отдохнет на славу...

— А где Джордж?

— Мистер Абрахамс дал тебе просто чудесную рекомендацию. Пишет, что ты напоминаешь ему твоего бедного отца... Ну, чем хочешь заняться на каникулах?

— Я бы остался здесь...

— Ах ты, моя радость...

Она обняла его еще нежнее, чем обычно.

— В гостях хорошо, а дома лучше, это всякий знает. Да... Помидоры... — она любила перечислять, проходя мимо грядок, названия овощей. — Помидоры, редис, брокколи, лук...

— Помидоры, брокколи, лук, розовый картофель, белый картофель, — подхватил мальчик.

— Репа...

— Мама, а где Джордж?

— Ушел на прошлой неделе.

— Почему?

— Взрослый стал. Хауэлл меняет садовников каждые два года.

— А-а...

— Репа, — продолжала она, — снова картофель, свекла... Морри, давай навестим дедушку и тетю Аиду, если они нас пригласят? Я хочу, милый, чтобы эти каникулы ты провел, как душе угодно, — ты ведь оказался таким молодцом, да и мистеру Абрахамсу большое спасибо, ведь твой отец ходил в ту же школу, а потом он учился в Саннингтоне, куда и ты теперь поедешь — будешь во всем повторять путь нашего любимого папочки... — Она умолкла. Морис всхлипнул. — Морри, милый...

Из глаз мальчика текли слезы.

— Сладенький мой, что с тобой?

— Не знаю... сам не знаю...